

II. История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (2)*

II.1. ОУН в 1930-е годы и во время германо-советской войны 1941-1945 гг.

Олена Петренко

Игры в эмансипацию: женщины и ОУН в 1930-х годах**

Варшава, 1936 г.: В зале суда находятся двенадцать подсудимых. Большинство из них говорит на украинском языке и отказывается отвечать судье на польском. Среди них двадцатитрехлетняя Дарья Гнаткивская, дочь грекокатолического священника, состоявшая в Организации украинских националистов (ОУН)¹. Польская пресса отмечает, что тюремная кошка – единственное существо, которое знает, что она говорит по-польски, так как подсудимая демонстративно разговаривает с ней на этом языке во время своих ежедневных прогулок по тюремному двору².

* См. также ранние специальные секции *Форума* по этой теме: Украина во Второй мировой войне // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 285-334; История современного украинского национализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 133-254; История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (1) // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 2. С. 7-189.

** Немецкая версия статьи была ранее напечатана в журнале *Osteuropa* (2016. Vol. 66. № 4).

¹ Их целью было давление на государственные и частные учреждения путем саботажей и «экспроприаций». На счету членов ОУН более 60-ти покушений и убийств. Среди жертв были польские политики, такие как министр внутренних дел Бронислав Перацкий и комиссар польской полиции во Львове Емельян Чеховский, а также украинцы, которые не разделяли радикальную политику ОУН, искали компромиссы с польским правительством или считались «отступниками» (например, директор гимназии Иван Бабий и члены ОУН Михаил Копач и Мария Ковалюк). В 1940-ом году ОУН разделилась на «мельниковцев», ОУН(м), в основном старшие, консервативно настроенные эмигранты, возглавляемые Андреем Мельниковым, и «бандеровцев», ОУН(б), чей лидер Степан Бандера стал известен широкой общественности благодаря процессам против членов ОУН 1935–1936 гг. К ОУН(б) относилось также ядро будущей Украинской повстанческой армии.

² Національна гідність: як поводитись Гнатківська у в'язниці // Жінка. 19.10.1936. С. 3. Журнал *Жінка* (Женщина) Союза украинок резюмировал репортажи польской прессы во время судебного процесса.

Гнаткивскую обвиняли в причастности к организации покушения на министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Она поддерживала связь с нападавшими и вела постоянную слежку за самим министром. Гнаткивская была приговорена к пятнадцати годам лишения свободы. Рядом с ней на скамье подсудимых сидела Катерина Зарицкая, которая позже возглавила Украинский «Красный Крест» (УЧХ) в подполье. Она также участвовала в покушении на Перацкого³.

Так как женщины могли передвигаться по городу относительно незаметно, не вызывая подозрений, они принимали участие в многочисленных терактах ОУН. Они вели наблюдение за потенциальными жертвами, изучали их привычки, налаживали дружеские отношения с полезными людьми, прятали оружие, помогали скрываться своим соучастникам и собирали бомбы. Так, например, Катерина Зарицкая подготовила убийство студента Якова Бачинского (1934), которого ОУН подозревала в сотрудничестве с польской полицией. В том же году она участвовала в нападении на заместителя комиссара львовской тюрьмы Владислава Кособудцкого и заложила бомбу в типографии «Праця», где печатались антиоуновские материалы. Наконец, помогла совершившему нападение на Бронислава Перацкого, Григорию Мацейко, избежать ареста⁴.

В начале 1930-х годов Зарицкая состояла в так называемой «боевой разведывательной пятерке» («бойово-розвідувальна п'ятірка»), которая подчинялась руководству округа («крайова ексекуція») ОУН. Вместе с Зарицкой и Гнаткивской в пятерку входили Вера Свенцицкая и Олена Недзвецкая. Возглавляла группу Мария Кос⁵. Еще одна женщина, Анна Чемеринская, принадлежала к окружному руководству ОУН, где она выполняла обязанности курьера и заведовала финансами⁶.

³ Катерина Зарицкая (1914–1986) является сегодня символом участия женщин в украинском националистическом подполье. Приговоренная к восьми годам заключения, в 1939 году она вышла из тюрьмы. В 1940 она снова была осуждена, на этот раз НКВД. В тюрьме Зарицкая родила сына. Во время войны ей удалось бежать из тюрьмы и снова начать активную политическую деятельность в подполье. Она возглавила Красный Крест в подполье, позже стала личной связной Романа Шухевича. В 1947 ее арестовали в третий раз и приговорили к 25 годам лагерей. См.: Онишко Л. «Нам сонце всміхалось крізь ржавії ґрати»: Катерина Зарицька в українському національно-визвольному русі. Торонто, Львів, 2007.

⁴ Розправа за вбивство міністра Перацького: акти обвинувачення // Діло. 21.11.1935. С. 3; Petrenko O. Makellose Helden des Terrors: Die «Organisation der Ukrainischen Nationalisten» im Spannungsfeld zwischen Heroisierung und Diffamierung // Terrorismus, Geschlecht, Erinnerung: Tradierung und Transformation von Geschlechterbildern in Terrorismusdebatten (19.–21. Jahrhundert) / Ed. Ch. Nikel, S. Schraut. Frankfurt/Main, 2012. P. 198.

⁵ Вера Свенцицкая (1913–1991) была оправдана во время судебного процесса во Львове (1936). Олена Недзвецкая (Климишин) (1911–1998), связная ОУН между Краковом и Львовом, была осуждена во время процесса, однако вскоре ее выпустили. Мария Кос (1914–1934) следила за очередной жертвой ОУН, Алексеем Майловым (высокопоставленный сотрудник советского консульства во Львове), и принимала участие в покушении на Владислава Кособудцкого. См.: За вбивство директора Бабія, студента Якова Бачинського і так далі: великий процес у Львові. Докінчення акту обвинувачення // Діло. 27.5.1936. С. 3.

⁶ Розправа за вбивство міністра Перацького: тринадцятий день розправи // Діло. 4.1.1935. С. 3.

Из-за подпольного характера организации сложно сказать, сколько женщин было в рядах ОУН, равно как и назвать точное число всех ее членов. Однако о приблизительной степени их вовлеченности можно судить по судебному процессу против них, проведенному в начале 1941 г. во Львове: 22 из 59 обвиняемых были женщины⁷. Подсудимым уделялось большое внимание со стороны средств массовой информации: их отказ отвечать на польском языке и выкрики «Слава Україні!» в зале суда сделали их символами национальной борьбы и примером для подражания для западноукраинской молодежи. Позже, в 1940-х годах, Катерина Зарицкая, как и многие другие члены ОУН, вступит в ряды Украинской повстанческой армии (УПА).

В последнее время устная история, феминистские инициативы и критическое осмысление политической истории дают новый толчок в изучении роли женского участия в ОУН⁸. Тем не менее, «нация» остается ключевой концепцией постсоветской украинской историографии и накладывает свой отпечаток на исследование женской и гендерной истории – от историзации женских движений до семейной жизни.

Гендер и нация в украинском гранд-нарративе

В том, что национальные процессы имеют четкие гендерные особенности, нет ничего нового. Эта мысль прослеживается, например, в известной фразе Бенедикта Андерсона: «В современном мире каждый человек может, должен и будет 'иметь' национальность так же, как он 'имеет' пол»⁹. Однако вопрос, как формируется, воздействует, изменяется и пересекается национальное и гендерное, остается открытым¹⁰.

Немецкая исследовательница Карин Хаузен разработала концепт «неединства истории», в котором она предложила акцентировать внимание на «несоответствии времени и пространства, [...] происхождении и жизненных ситуациях мо-

⁷ Комар Л. *Процес 59-ти*. Львів, 1997.

⁸ Havryshko M. *Illegitimate Sexual Practices in the OUN Underground and UPA in Western Ukraine in the 1940s and 1950s* // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2016. Vol. 17. <http://pipss.revues.org/4214>; Kis' O. *National Femininity Used and Contested: Women's Participation in the Nationalist Underground in Western Ukraine during the 1940s-50s* // *EAST/WEST: Journal of Ukrainian Studies*. 2015. Vol. 2. P. 53-82; Кісь О. *Жіночий досвід участі у національно-визвольних змаганнях на західноукраїнських землях у 1940–50-х роках* // *Схід – Захід*. 2009. ТТ. 13-14. С. 101-125.

⁹ Anderson B. *Die Erfindung der Nation: Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts*. Frankfurt/Main, 1996. P. 14.

¹⁰ См. на эту тему: Planert U. *Vater Staat und Mutter Germania: Zur Politisierung des weiblichen Geschlechts im 19. und 20. Jahrhundert* // *Nation, Politik und Geschlecht: Frauenbewegungen und Nationalismus in der Moderne* / Ed. U. Planert. Frankfurt/Main, 2000. P. 15-65. Mayer T. *Gender Ironies of Nationalism: Sexing the Nation*. L., 2002.

лодых и пожилых людей, женщин и мужчин» и, таким образом, отказаться от доминирующих нарративов¹¹. В «универсальной истории» общее обычно отображается в парадигме истории государства, то есть национального государства¹². У «старого здания национальной истории» появилась пристройка, однако фундамент остался прежним, пишет Карин Хаузен. В этом «строении» гендерная история занимает лишь флигель и ей приходится довольствоваться этим пространством¹³.

В дискуссионном переплетении национального и гендерного семейная модель, как правило, переносится на нацию¹⁴: мужчина, как глава семьи (нации), должен быть готов защищать отечество и принять смерть героя. Женщина, как (будущая) мать потенциального защитника семьи, должна быть готова воспитывать в своих детях национальное сознание, а в случае войны отправить своих детей на войну за нацию (отечество) и посвятить себя служению родине. При необходимости ей следует покинуть свой дом и остаться одной на неопределенный срок и, кроме того, действовать как воин и, подобно мужчине, быть готовой к героической смерти¹⁵.

Если брать за основу концепцию Андерсона, нация, как «воображаемое сообщество», то это прежде всего ряд ограничений, которые определяют рамки этого сообщества и по-разному влияют на людей различного пола, религиозного убеждения и этнического происхождения¹⁶. Такое внешнее разграничение наряду с внутренней гомогенизацией создают динамику, которая часто сопровождается готовностью к самопожертвованию и насильственным актам¹⁷.

Уже в начале 1930-х годов ОУН имела славу жесткой и авторитарной организации, которая именно благодаря своей радикальности получала ощутимую поддержку. Женщины из ОУН, такие как Зарицкая или Гнаткивская, принимали, как уже было сказано, активное участие в терактах. В сущности, даже если женщины в ОУН не принимали непосредственно участие в актах насилия, они проводили слежку за жертвой, заботились о конспиративных квартирах или скрывали оружие и деньги. В изложении истории организации насилие имеет четкую гендерную коннотацию: женщины сталкиваются с насилием, мужчины же его создают. То, что сами женщины осуществляли насилие, не вписывается ни в образ жен-

¹¹ Hausen K. Die Nicht-Einheit der Geschichte // Geschlechtergeschichte und allgemeinen Geschichte: Herausforderungen und Perspektiven / Ed. H. Medick, A.-Ch. Trepp. Göttingen, 1998. P. 35-36.

¹² Ibid. P. 37.

¹³ Ibid.

¹⁴ Davis Nira Yu. Gender and Nation. L., 2007; McClintock A. «No Longer in a Future Heaven»: Gender, Race and Nationalism // Dangerous Liaisons: Gender, Nation and Postcolonial Perspectives / Ed. A. McClintock. Minneapolis, 1997. P. 89-112.

¹⁵ Schasser A. Nation, Identität und Geschlecht: Nationalgeschichtsschreibung und historische Frauen- und Geschlechterforschung // Geschichte und Geschlechter: Revisionen der neueren deutschen Geschichte / Ed. K. Hagemann, J. Quataert. Frankfurt/Main, 2008. P. 64-91.

¹⁶ Opitz-Belakhal C. Geschlechtergeschichte. Frankfurt/Main, 2010. P. 89.

¹⁷ Planert U. Nationalismus und weibliche Politik: Zur Einführung // Nation, Politik und Geschlecht. P. 10.

щин из ОУН, ни в социальные рамки того времени, в этом контексте восприятие насилия зависит от распределения власти и подчиняется социальным структурам¹⁸.

ОУН и эмансипационное движение 1930-х годов

На первый взгляд деятельность ОУН и в общем явное усиление националистических тенденций открыли новую политическую площадку для женщин, ведь они служили нации не только как матери и хранительницы домашнего очага, но и как те, кто мог вести войну за национальные идеи. В понимании одного из ведущих идеологов украинского национализма, Дмитрия Донцова (1883–1973), каждый отдельный интерес должен быть подчинен интересу нации. В своем фундаментальном труде *Национализм* 1926 г. Донцов подчеркивает, что важнейшей задачей украинской нации является достижение единства и независимости, которые «приведут к конфронтации и борьбе за выживание»¹⁹. В связи с этим включение женщин в ряды ОУН рассматривалось как ситуативно важная мера.

Общественность принимает женщин в основном потому, что они помогают вести борьбу за национальные цели. Это значит, что национальный «гендерный контракт», по которому женщины обязаны быть матерями и хранительницами домашнего очага, в исключительных условиях войны должен быть временно приостановлен, но продолжать действовать в мирное время.

Хотя редактор и публицист, который позже эмигрировал, никогда не был членом ОУН²⁰, его концепция вызвала большой резонанс среди радикально настроенной молодежи. Дарья Ребет, одна из немногих высокопоставленных женщин в ОУН, отмечала, что молодые люди ее поколения открыто называли себя «учениками Донцова»²¹, которые «мечтали о сильной украинской империи и – более того – передавали эту идею из уст в уста»²². В этом смысле политическая деятельность тех, действия которых не вписывались в рамки «национального дела» («національна справа»), была дискредитирована: она была чуждой национальному характеру и национальным интересам украинцев.

¹⁸ Women, Gender, and Terrorism / Ed. L. Sjoberg, C.F. Gentry. Athens (USA), 2011.

¹⁹ Донцов Д. *Націоналізм*. Лондон, Торонто, 1966. Р. 233.

²⁰ Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920–1930-ті роки)*. К., 2013. С. 170-172.

²¹ Ребет Д. *Націоналістична молодь і молодечий націоналізм* // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 482-501, здесь с. 489-450. О Донцове и восприятии его работ: Зайцев А. *Доктрина Дмитрия Донцова* // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 175-194; Shkandrij M. *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956*. New Haven, 2015. Р. 79-100; Божко Я. «Новый национализм» Дмитрия Донцова: между интегральным национализмом и консервативной революцией // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 2. С. 180-189.

²² Ребет. *Націоналістична молодь*. С. 494.

Одним из наиболее ярких примеров является непонимание и резко негативное отношение приверженков и приверженцев ОУН к галицкому Союзу украинок. Союз украинок был основан в 1921 году, с 1928 года его возглавила Милена Рудницкая²³. Для большинства женщин, входящих в эту организацию, решающее значение имела социальная направленность союза. Кооперативы защищали права крестьянок и помогали им быстро и выгодно продавать свои продукты.

Во время «польской фазы» борьбы ОУН националистически настроенные издания часто подвергали критике Милену Рудницкую и Союз украинок, обвиняя их в подрыве «антиимпериалистической борьбы» и предательстве нации. Прежде всего их упрекали в поисках компромиссов с польскими властями. Молодые люди считали деятельность союза отсталой²⁴. Так называемая «антинациональная» позиция феминисток организации привела к тому, что радикально и националистически настроенная молодежь отделилась от нее.

Представительниц женских организаций в Галиции Донцов называл «народными активистками» и иронично отмечал, что они видели рождение нации в «кооперативном движении (кооперативный рух) или антиалкогольном обществе»²⁵. Он считал, что женщине следует выйти из всех женских организаций, потому что реальные задачи показывает жизнь, а не «ограниченное мировоззрение женской прессы»²⁶.

Тем не менее, галицкое женское движение также не поддавало сомнению неразрывную связь между своими целями и нацией, оно видело в женщинах важный потенциал в борьбе украинских националистов против польского государства. Так, журнал *Жінка*, издававшийся «Союзом украинок», сообщает о варшавском процессе 1935–1936 гг., в ходе которого были выдвинуты обвинения против Гнаткивской и Зарицкой. Журнал отошел от общепринятой газетной практики представлять террористок как сексуализированные объекты, и описывал их подобно обвиняемым мужчинам. Язвительно отмечалось, что «по сравнению со многими мужчинами женщины во время процесса были не так разговорчивы, как им обычно приписывают»²⁷. Кроме того, автор подчеркивает, что как польская, так и украинская пресса фокусируют свое внимание на одежде и внешнем виде обеих подсудимых. Красивое лицо и сияющая улыбка Гнаткивской, шерстяное платье цвета граната Зарицкой, в котором она выглядит как гимназистка, – такие темы интересуют прессу²⁸.

²³ Ранее эту высокую позицию занимали Катря Гриневич, Мария Билецкая и Константина Малицкая. Позже Рудницкая стала членом Украинского национально-демократического объединения.

²⁴ Додюк М. Український жіночий рух у міжвоєнній Галичині: між гендерною ідентичністю та національною заангажованністю. Львів, 2011. С. 134.

²⁵ Донцов Д. Поетка вогняних меж. Торонто, 1953. С. 25.

²⁶ Там же.

²⁷ Варшавський процес // *Жінка*. 15.12.1935. С. 2; Nacos B.L. The Portrayal of Female Terrorists in the Media: Similar Framing Patterns in the New Coverage of Women in Politics and in Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2006. Vol. 5. P. 435-451.

²⁸ Варшавський процес. 1.12.1935. С. 2, 4.

Кроме того, на страницах *Жінки* активистки союза пытались усилить общее участие женщин в национальном движении. В одном из изданий *Жінка* взывает к читательницам: «Что Ты сделала, чтобы изменить что-то? Твоя вина в Твоей слабости, в Твоей неорганизованности, в неуверенности в себе. Где Твое решительное, организованное сопротивление против уныния и хаоса, которые разрушают наш ослабленный национальный организм? Что Ты делаешь для того, чтобы примирить враждующих сыновей и братьев и вернуть чувство живого единства нации?»²⁹

Рудницкая постоянно подчеркивала совместимость национальной идеи и феминизма для подрастающего поколения³⁰. В своих статьях она представляла феминистские взгляды как хороший и полезный образец для строительства нации. Под заголовком «Разногласия феминизма» она отклоняет обвинение в том, что женщины действуют эгоистично и зацикливаются на себе, преследуя личные интересы, а не интересы нации. Это противоречит пониманию украинского женского движения, подчеркивала Рудницкая. Так как движение «всегда формулирует обязанности, а не только права. Если речь идет о правах, то это право на работу для народа и служение нации»³¹.

Тем не менее в понимании украинских националистов союзу не хватало антиимперского настроения против польского государства. Представители ОУН обвиняли организацию в ее мирной позиции и готовности к сотрудничеству с польским правительством. Союз украинок вызывал неприязнь среди националистических кругов, так как его приоритетом было укрепление индивидуальных женских прав, что препятствовало мобилизации женщин в ряды ОУН, а позднее – УПА.

Известным критиком Союза украинок была Олена Телига (1906–1942), украинская поэтесса, последовательница Донцова, а затем член ОУН(м). В своем скандальном очерке «Какими вы нас хотите» («Якими ви нас прагнете») Телига критикует концепцию трех «К» («Kinder, Küche, Kirche» – дети, кухня, церковь), которую она приписывает украинским консервативным кругам, а также феминизм, призывая отказаться от двух крайностей: сведения роли женщины к материнству и освобождению женщин³². В эссе «Слепая улица» («Сліпа вулиця») Телига резюмирует свои впечатления от женской прессы и резко высказывается о публикациях союза: сначала она критикует журнал *Женская судьба* (*Жіноча доля*), который издавался под руководством Олени Киселевской. Телига критиковала преобладающую в журнале тему «семейных конфликтов». Поэтому не удивительно, писала Телига, что женщины не обсуждают никаких других вопросов³³.

²⁹ Жінка і нація // Жінка. 1.1.1935. С. 1.

³⁰ Відношення молоді до жіночого руху // Жінка. 15.2.1935. С. 1; Матері і дочки // Жінка. 1.3.1935. С. 1.

³¹ Непорозуміння з фемінізмом // Діло. 14.4.1934. С. 4-5.

³² Телига О. Якими ви нас прагнете // она же. Збірник. Детройт, Нью-Йорк, Париж, 1977. С. 65-78, здесь с. 70.

³³ Телига О. Слепа вулиця // Там же. С. 79-88, здесь с. 83.

Главным врагом женщины Телига называет «слащавую женственность» («солдакво-настроєва жіночість»), которая приводит к «массовой «примитивности». Более мягкий вердикт Телига выносит главному печатному изданию союза – журналу *Жінка*: «Всюду видна рука інтелективного редактора і її співробітниць. Від примітивної слащавості не залишилось і сліда. Літературний матеріал обраний зі смаком (за виключенням деяких новелл) [...]. Але все ж від сторінок *Жінки*, від її програмних і актуальних статей веє не свіжее дихання сучасності, а давно отшумівший вітер минулого століття: фемінізм, в його давнішній, не актуальній тепер формі, і лібералізм з гуманністю, які вже раз і назавжди дискредитовані в очах сучасного покоління, враховуючи ту ганячу роль, яку вони зіграли в нашій визвольній боротьбі».

Кроме того, Телига указывает на сложности с определением понятий: «Что касается феминизма, то в действительности сложно сориентироваться, что, в конце концов, под ним подразумевают в *Жінці*. Иногда он идентифицируется с полной равнозначностью женщины в повседневной жизни и во всех организациях. Иногда феминизм неразрывно связывается с либерализмом, а роль женщины сводится к урегулированию конфликтов между разными направлениями и применению как можно большей гуманности во всех сферах жизни»³⁴. Телига считала, что такой «едва сформировавшийся», полный амбивалентных понятий феминизм может нанести серьезный вред во время политических изменений. Таким образом, она выражала распространенное мнение ОУН, которая хоть и вербовала активно женщин, однако не предусматривала отдельных женских организаций, о которых Телига отзывалась как о «женском гетто»³⁵.

В то же время отношение Союза украинок и ее главы Милены Рудницкой к ОУН было намного амбивалентнее, нежели это сформулировала Телига. На страницах журнала *Жінка* отсутствовала открытая критика ОУН, кроме того Рудницкая, как делегатка Украинской Парламентарной Репрезентации польского Сейма, получала ощутимое содействие от Евгения Коновальца, руководителя ОУН в 1929–1938 гг. Рудницкая также поддерживала активную переписку с одним из наиболее известных украинских апологетов Муссолини Евгением Онацким. В переписке с последним, Коновалец характеризовал Рудницкую как «очень активную и успешную дипломатку», которая «умеет говорить и убеждать»³⁶.

Несмотря на близкие дружеские отношения Рудницкой и руководителя ОУН, Коновалец осознавал политические расхождения с Рудницкой и прямо обозначил ее как «не нашего человека», который в политических позициях является «либералкой, демократкой и даже пацифисткой»³⁷. Общий политический профиль Со-

³⁴ Теліга Олена. Сліпа вулиця // С. 85.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ См. письмо Коновальца Онацкому от 29.05.1931 в: Онацький Є. У вічному місті. Торонто, 1989. Т. 4. С. 98.

³⁷ См. Письмо Коновальца Онацкому от 06.03.1933 в: там же. Т. 3. С. 95.

юза Украинок был тоже довольно неоднозначен. Если Рудницкую можно обозначить как активистку Украинского национально-демократического объединения (УНДО), то ряд деятельниц союза поддерживали Украинскую радикально-социалистическую партию (УРСП), или же стояли в тесном контакте с националистическим движением³⁸.

Женщины из Союза украинок казались ОУН прежде всего конкурентками, которые оказывают негативное влияние на мобилизацию женщин в их собственную организацию. Это касалось во многом именно молодых кадров, которых активно вербовали как союз, так и ОУН³⁹. Националисты хоть и соглашались с тем, что женщины тоже могут быть вовлечены в борьбу и даже стимулировали это вовлечение, однако не были заинтересованы в трансформациях гендерного порядка. Напротив, они всячески препятствовали ему, интерпретируя политическую активность женщин как вынужденную меру экстремальных условий военного конфликта.

Сами женщины, принимавшие активное участие в ОУН, акцентировали свое внимание главным образом на вовлечении новых кадров в националистическую борьбу и открыто осуждали феминистические инициативы как несвоевременные и вредящие укреплению популярности организации. Таким образом, шанс к эмансипации как со стороны идеологов ОУН, так и самих участниц националистического движения был упущен, а шансы консолидации сил с Союзом украинок за национальные интересы остались неиспользованными.

³⁸ По подсчетам украинского историка Марты Гаврышко, в Союзе украинок в 1934-35 годах было от 2 до 10 процентов активисток ОУН. См.: Гаврышко М. Ставлення представників ліберального фемінізму в Галичині до ОУН в 1929-1939х роках // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2014. № 24. С. 85-98.

³⁹ Відношення молоді до жіночого руху // Жінка. 15.2.1935. С. 1.